

В творческом наследии Соловьева современные ученые найдут созвучные им исследования древневосточной мысли и религиозно-мистического опыта, в частности, самостоятельные попытки русского философа и его единомышленников научно исследовать и философски охарактеризовать оккультные феномены¹. Личный религиозно-мистический опыт Соловьева может представлять особый научный интерес на передовых позициях современной нейробиологии и нейропсихологии².

Главная идея Соловьева, пронизывавшая его работы, состояла в том, что необходимо не противостояние религиозной веры и научного разума, а их плодотворное соединение на основе новой философии. Конечно, нужно признать, что наш гениальный философ не успел создать свою новую «теоретическую философию», а только заложил ее основы. Но современным ученым вполне достаточно того непреходящего религиозно-нравственного и практически-делательного наследия Соловьева, которое призвано к реальному «оправданию добра» в непрестанном научном поиске.

Таким образом, уже полтора века тому назад русский философ осознал неизбежность того, что даже наиболее материалистически настроенные ученые столкнутся с общечеловеческими проблемами, в частности, соотношения веры и разума. И он провидчески обозначил те пути решения этих проблем, чтобы религия и философия не мешали друг другу, а попытались обрести синтез, знаменующий новый уровень в духовном развитии человечества.

Н. В. Снетова

ИССЛЕДОВАНИЯ И ОЦЕНКИ ФИЛОСОФСКОГО ТВОРЧЕСТВА Н. Н. СТРАХОВА

Исследования и оценки творчества петербургского философа Н. Н. Страхова (1828–1896) в истории отечественной философской мысли имеют свою историю. При жизни он играл заметную роль в развитии отечественной культуры второй половины XIX в. Это подтверждается хотя бы тем, что в 1894 г. он вместе с Л. Н. Толстым

¹ Об исследованиях Соловьевым «психургии» см. подр.: *Кравченко В.В.* Мистицизм в русской философской мысли XIX – нач. XX ст. С. 82–109.

² О мистицизме Соловьева см. подр.: *Кравченко В.В.* Мистицизм в русской философской мысли XIX – нач. XX ст. С. 109–155.

избирается почетным членом Московского психологического общества, которое одновременно было и философским обществом. При принятии Страхову была дана следующая характеристика: «Человек разносторонне и широко образованный, мыслитель тонкий и глубокий, замечательный психолог и эстетик, Страхов представляет и как личность выдающиеся черты – стойкостью своих убеждений, тем, что никогда не боялся идти против господствующих в науке и литературе течений, восставать против увлечений минуты и выступать на защиту тех крупных философских и литературных явлений, которые в данную минуту подвергались гонению и осмеянию»¹. Данную характеристику можно признать объективной. Однако далее философ позиционируется как представитель левого гегельянства, с чем вряд ли можно согласиться.

При изучении страховских философских взглядов становится ясно, что его отношение к Гегелю и разработанному им диалектическому методу нельзя назвать однозначным. Сам себя мыслитель называл приверженцем Гегеля. В предисловии к своей лучшей книге «Мир как целое» он утверждает, что источником своих взглядов считает, во-первых, математические и естественные науки, во-вторых, гегелевскую философию, именно ее «методу», которую признает «полным выражением научного духа»².

Русский философ понимает диалектику как анализ понятий, как логику. Но понимает своеобразно. Основным приемом диалектического метода, по его мнению, является триада: положение, противоположение и примирение в синтезе. Однако Страхов тут же оговаривается, что это, собственно говоря, «одни слова, незаконные отвлечения». С его точки зрения, определить, что такое диалектический способ рассмотрения категорий, то есть, согласно Страхову, подвести приемы диалектики под какие-либо категории невозможно, так как логика Гегеля включает в себе всевозможные категории. Диалектический подход у него во многом – результат «органического взгляда» на действительность и познание. Страхов нигде не упоминает о законах диалектики; фактически, при анализе не пользуется диалектическими гегелевскими категориями: противоположность, внутреннее противоречие, тождество, различие, единство и борьба противоположностей, диалектическое отрицание и т. д. Тем не менее, судя по отдельным замечаниям, он знаком с ними.

¹ Вопросы философии и психологии. 1896. Март – апрель. С. 302.

² См.: *Страхов Н.Н.* Мир как целое. СПб., 1892. С. V, VI.

К тому же отношение к гегелевскому учению у Страхова менялось. В письме к Л. Н. Толстому от 8 января 1873 г. читаем признание: «В статье о Дарвине и о Парижской Коммуне я уже отрекся от Гегеля, уже отрицаю тот непреременный, строго-законный прогресс, который он находил в умственном движении человечества, отрицаю и то, что ум руководит историей, что она есть развитие идеи»¹. Тем не менее, во многих работах, посвященных философу, авторы не критично следуют страховской самооценке, характеризуя его как гегельянца. Если о влиянии немецкого мыслителя на его философское творчество можно говорить, то причислить к представителям левого гегельянства невозможно. Страхов, например, дал сокрушительную критику Фейербаху-левогегельянцу².

Творчество петербургского мыслителя проходило в сложную переходную эпоху, для которой было характерно обострение социальных противоречий, появление новых идейных направлений, политических объединений и движений. Он принимал активное участие, как отмечалось в выше приведенной характеристике, в острой полемике между славянофилами и западниками, твердо занимая славянофильскую позицию. В 60–70-е гг. им велась полемика с Писаревым, Лавровым, Антоновичем, Чернышевским, в 80–90-е гг. он выступал против спиритизма, полемизировал с дарвинистами, Соловьевым, противниками Л. Толстого. Понятно, что в публицистике того времени оценки его взглядов были часто противоположными, что определялось взглядами дававших оценку. Философ посчитал необходимым «прямо признать себя славянофилом, когда признаешь существенные начала этого учения»³. Однако следует иметь в виду, что он в данном случае широко трактовал славянофильство – как убеждение в самобытности России и необходимости развивать ее самобытные начала. Он считал, что славянофильство не выдуманная и оторванная от жизни теория, а «естественное явление, с положительной стороны – как консерватизм, то есть приверженность к давнишним началам русской жизни, с отрицательной – как реакция, то есть желание сбросить умственное и нравственное иго, налагаемое на нас Западом»⁴. Вероятно, правильнее было бы на-

¹ Л. Н. Толстой – Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1–2. Оттава, 2003. С. 93.

² См.: *Снетова Н.В.* Николай Страхов: западная и русская философия в интерпретации органициста. Пермь, 2013. С. 58–101.

³ *Страхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1883. С. 205.

⁴ Там же. С. 204.

звать и Страхова, и других представителей почвенничества – Достоевского, и Григорьева – неославянофилами, как это и принято в отечественной историко-философской литературе.

В леворадикальной среде он оценивался как реакционер, консерватор. По своим социально-политическим воззрениям Страхов может быть назван умеренным консерватором. Михаил Протопопов в статье, посвященной критическому анализу книги «Борьба с Западом», охарактеризовал страховскую философию как кладбищенскую по своему духу. В книге Страхов выразил свое отрицательное отношение к идее социального прогресса. Вера в прогресс называется им верой религиозной. Протопопов отвечает, что вся история есть история сплошной борьбы, которая совершенно невозможна «без веры в те или другие благотворные результаты ее, т. е. в прогресс». «Признать законность и целесообразность борьбы г. Страхов, как чистокровный Филарет, решительно не в состоянии»¹. Без борьбы невозможно добиться каких-либо изменений в жизни к лучшему. Будучи человеком честным, согласно Протопопову, философ играет на руку обскурантам. Философские взгляды Страхова подвергались критике при его жизни не только со стороны противоположного идейного лагеря, но и со стороны, например, Соловьева, ведшего полемику со Страховым по поводу книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа».

После смерти философа о его творчестве появились как сугубо положительные, так и отрицательные отзывы, что является свидетельством того, что страховское философское наследие представляет трудность для объективного исследования и таких же объективных оценок. Так, В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона Страхову были посвящены две статьи, одна – как литературному критику. Ее автором был С. Венгеров. Другая статья характеризует его как философа. Она написана товарищем Страхова, коллегой по работе – Э. Радловым. В статье Венгерова фактически дается негативная оценка страховской литературно-критической деятельности: «В общем значительная часть критических статей Страхова производит впечатление листков из записной книжки или программы будущих статей»². С нашей точки зрения, оценку Венгерова опровергло время. Венгеров утверждает также, что ряд поклонников философа – Говоруха-Отрок (Ю. Николаев), В. В. Розанов, Ф. Э. Шперк,

¹ Протопопов М. Кладбищенская философия // Дело. 1882. № 6. С. 6.

² Венгеров С. Страхов // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Эфрон. Т. 62. СПб., 1900. С. 784.

Б. В. Никольский и др. – стараются создать Страхову репутацию одного из крупнейших русских мыслителей. Согласно Венгерову, получается, что фигура Страхова совершенно «дутая».

Товарищ, коллега по работе Э. Радлов в этом же энциклопедическом словаре дает менее жесткую, но не слишком высокую оценку Страхову как философу. «В Страхове, – предполагал он, – по-видимому, соединились все данные для того, чтобы написать крупное философское произведение: обширное и разностороннее образование, критическое дарование, вдумчивость и методическое мышление, которое он чрезвычайно высоко ценил; ему не хватало лишь истинного творчества, благодаря которому создается новое. Поэтому именно с точки зрения философии, к которой Страхов чувствовал всегда склонность, труднее всего характеризовать его: слишком разнообразны влияния, отразившиеся на мышлении Страхова и вызывавшие в нем сочувствие»¹. В статье Радлов четко формулирует основные принципы, которые отстаивались Страховым. Специалисту, по мнению Радлова, не за чем обращаться к его философскому наследию с целью поучения. Оно имеет лишь педагогическое значение: «для введения в круг философских понятий, для обучения правильному методическому мышлению, анализу понятий, книги Страхова могут оказать весьма существенную помощь». На наш взгляд, во-первых, и это уже немало, во-вторых, значимость именно его философского творчества Радловым явно недооценена.

Резкое несогласие с такой оценкой выразил В. В. Розанов, которого Страхов ввел в отечественную литературу. В книге «Литературные изгнанники», почти полностью посвященной мыслителю, дается очень высокая оценка философу. Он, с точки зрения Розанова, является недооцененным мыслителем, «литературным изгнанником». Николай Грот также высоко оценивал страховское философское наследие. В статье, посвященной памяти умершего философа, утверждалось: «несомненно, что философские произведения Страхова останутся одним из самых прочных и прекрасных памятников русского философского писательства в XIX веке»². По мнению Грота, заслуга Страхова в том, что он одним из первых особенно энергично призывал русских людей мыслить самостоятельно, но при этом не был узким славянофилом. Б. В. Никольский в биогра-

¹ Радлов Э.Л. Страхов // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Эфрон. Т. 62. С. 785.

² Грот Н. Памяти Страхова // Вопросы философии и психологии. 1896. Март-апрель. Кн. 2. С. 308.

фическом очерке, посвященном Страхову, называет философа человеком, «вполне равным своему веку просвещением и далеко превосходящим его шириной и глубиной взгляда»¹.

Но и Николай Грот, и Борис Никольский, Александр и Алексей Введенские в своих статьях, посвященных памяти ушедшего философа, отмечали, что Страховым не было создано философской системы, что он был в основном критиком, но не творцом. Как отмечал В. В. Зеньковский, русская мысль во время, когда проходила его творческая деятельность, была на «пороге» систем. Можно целиком согласиться с замечанием известного историка отечественной философии, который писал: «если Чернышевский и Лавров, Михайловский и Страхов не создали настоящей системы, то причину этого надо видеть не в недостатке дарования, а в том, что философское дарование «распылилось», уходило в конкретную жизнь и злобу дня. Сколько философского раздумья и подлинного философского творчества уходило, например, в публицистику»².

Затем на несколько десятилетий в нашей стране мыслитель оказался забыт. За рубежом вышло две публикации, представляющие интерес для изучающих философское наследие Страхова. В книге Д. И. Чижевского «Гегель в России» (Париж, 1939) обращалось внимание, в частности, на влияние философа на Ф. М. Достоевского. Он высказал мысль, что раньше других в России развивал идею вечного возвращения Страхов, а Достоевский ее от него перенял³. Известный автор выражал удивление, что русская интеллигенция так мало интересовалась Страховым. Он писал о намерении написать книгу о Страхове. Намерение так и не было реализовано. Страхову посвятил отдельную статью историк русской философии С. Левицкий. Страхов не был гением, согласен со всеми предыдущими авторами Левитский, «но он был «учитель» в лучшем смысле этого слова». На наш взгляд, к его оценке отечественного мыслителя стоит прислушаться, ибо он определил место Страхова в истории нашей философской мысли. По его мнению, «Страхов явился одним из деятелей конца прошлого века, которые подготовили и расчистили почву для расцвета русской религиозно-философской мысли в

¹ *Никольский Б.В.* Николай Николаевич Страхов. Критико-биографический очерк. СПб., 1896. С. 56.

² *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. Т. 2. Ч. 1. Л., 1991. С. 7.

³ *Chizhevsky D.I.* Literarische Lesefruchte (IV). Dostoevskiy und Strachov // Zeitschrift fur Slawische Philologie. Leipzig. 1936. Bd. XIII. S. 70.

начале двадцатого века»¹. Успеху Страхова, можно в данном случае присоединиться к Левитскому, мешало то, что он был чересчур сложен для одних и казался чересчур прост для других.

Советские историки философии если и уделяли внимание Страхову, то ориентировались прежде всего на оценки идейных противников мыслителя, которые давались в леворадикальной публицистике XIX в. В. Я. Кирпотин, исследователь творчества Достоевского, зачислял Страхова в то направление, которое стояло в оппозиции к разуму (имеется в виду, вероятно, религиозное мировоззрение). При этом литературовед писал: «Страхов переводит Куно Фишера и в известной мере становится одним из проводников неокантианства, сочетавшегося у него с интуитивизмом Шеллинга»². Оценка, на наш взгляд, неадекватная, вероятно, простительная для человека, не имевшего профессионального отношения к философии и не занимавшегося изучением страховского наследия. Как это часто бывает, к сожалению, при интерпретации философских воззрений мыслителя оценки даются без обоснования, серьезной аргументации, предполагающей опору на источники. В учебниках по истории русской философии (далеко не во всех) ему в лучшем случае отводилось две-три странички, в которых оценки давались на основе анализа его предисловия к книге «Мир как целое» и основной идеи работы «Об основных понятиях психологии и физиологии». Вместе с тем в советской критической литературе можно отметить в целом объективную оценку философского творчества мыслителя в интересной работе литературоведа А. С. Долинина «Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов»³.

Если до начала 90-х гг. прошлого века можно было говорить о Страхове как о фактически забытом философе, то начиная с 90-х гг. появляется все больше работ, в которых упоминается его имя. Однако эти статьи часто юбилейного характера или взгляды Страхова рассматриваются в связи с проблемой, которая является предметом анализа автора. Следует отметить, что интерес к мыслителю в настоящее время связан в основном с его разработкой проблемы самобытности России, русской идеи. В настоящем он известен читающей публике, историкам и философам как почвенник, славянофил, представитель русского консерватизма. Об идеологизации его

¹ *Левитский С. Н.* Н. Страхов. (Очерк его философского пути) // Новый журнал. № 54. Нью-Йорк, 1958. С. 184.

² *Кирпотин В.Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966. С. 428.

³ См.: *Долинин А.С.* Ф. М. Достоевский и Н. Н. Страхов // Шестидесятые годы. М.; Л., 1940.

творчества свидетельствует то, что Лигой консервативной журналистики вручается премия имени Николая Страхова. В публицистике мыслитель представляется как сугубо религиозный защитник устоев православия. На наш взгляд, наиболее оригинальные, глубокие идеи были представлены им в философских работах. Но именно его философское наследие оказалось недостаточно изученным. Среди исследований по философии можно отметить работы Н. П. Ильина и Е. А. Антонова.

Историки философии отмечают, что исследование творчества мыслителя представляет определенную сложность. Сложность и существующие ошибки в его анализе вызваны рядом причин. Одна из них в том, что фактически одновременно с трудами петербургского философа Страхова, о котором в данном случае идет речь, выходили труды его полного тезки, младшего современника Николая Николаевича Страхова (1852–1928), преподавателя Харьковской духовной семинарии. Несмотря на то, что в словаре Брокгауза и Эфрона дается библиография «младшего» Страхова, исследователи (при поверхностном знакомстве с творчеством петербургского философа) часто приписывают его труды по философии «старшему» Страхову. Так, в библиографию работ последнего очень часто включают работу его младшего современника «Учение о Боге по началам разума». В частности, это произошло в библиографии к статье «Страхов» в словаре «Русская философия», в словаре «Философы России XIX–XX столетий (М., 1999). В словаре «Русские философы», автором которого является С.В. Корнилов, Страхову в библиографию попала работа «Опыт систематического изложения начальных оснований философии»¹. В недавней статье (в связи с очередным юбилеем мыслителя) в перечне его основных работ фигурируют три статьи однофамильца: «Философское учение о познании и достоверности познаваемого», «Опыт систематического изложения начальных оснований философии» и «Учение о Боге по началам разума»². (Попутно отметим, что, к сожалению, в данной публикации в перечне трудов Страхова сделана еще ошибка: ему приписаны 1–3 тома «Славянского сборника», хотя Страховым написано только предисловие к первому тому данного издания.

Вероятно, при жизни философа происходила такая же путаница произведений двух Страховых, что вынудило его, человека извест-

¹ Корнилов С.В. Русские философы: Словарь. СПб., 2001. С. 327.

² Маслобоева О.Д. Н. Н. Страхов и отечественная философия науки // Вопросы философии. 2009. №5. С. 107.

ного среди образованной публики, специально написать статью «О задачах истории философии. “Очерк истории философии” Н. Страхова”. Харьков. 1893; “Чтение о Боге по началам разума” Н. Страхова”. М., 1893» по поводу работ своего тезки¹. В каталогах всех библиотек работы обоих Страховых обычно не вычленяются, что вводит читателей и писателей в заблуждение. На ошибки в оценках философии петербургского философа, являвшихся следствием смешения работ однофамильцев обращалось внимание в публикациях Н. В. Снетовой².

У Страхова, которому посвящена данная работа, в отличие от «младшего» однофамильца, более сложные отношения с религией. Вспомним оценку Э. Радлова, который хорошо знал своего сослуживца. Радлов писал: «Не всегда легко установить основные понятия в мирозерцании Н. Н. Страхова и это потому, что о религиозных своих убеждениях, занимающих весьма видное место в его мышлении, он не говорил или говорил лишь попутно, *ad hoc*»³. Солидарен с ним В. В. Розанов, писавший, что Страхов скорее подводит к религии, нежели ее проповедует, обосновывает.

Мыслителя, на наш взгляд, нельзя однозначно назвать религиозным философом, хотя он, безусловно, религиозный человек по семейному воспитанию и начальному образованию. Можно согласиться с самим Страховым, который характеризовал свои взгляды в онтологии как пантеизм. В письме к Л. Н. Толстому от 8 января 1873 г. он с сожалением констатировал: «До сих пор, однако же, я приписываю пантеизму величайшую важность, как прямо противохристианскому движению, которым воодушевлено все умственное [движение] развитие Запада, которое составляет душу немецкой литературы, которое дало немцам силу, недавно ими обнаруженную, и произведет еще огромные последствия. Корень пантеизма глубок неизмеримо. Нам неизвестна другая наука, кроме науки пан-

¹ *Страхов Н.Н.* О задачах истории философии. Очерк истории философии. Харьков, 1893; Чтение о Боге по началам разума. М., 1893.

² *Снетова Н.В.* Н. Н. Страхов как предтеча философии Серебряного века // XXI век: будущее России в философском измерении. Материалы второго Российского философского конгресса (7–11 июня 1999 г.). В 4 т. Т. 4. Ч. 1. Екатеринбург, 1999. С. 183–184; *Снетова Н.В.* Ошибки в исследовании творчества Н. Н. Страхова // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Ростов-на-Дону, 2002. Т. 2. С. 110–111.

³ *Радлов Э.Л.* Несколько замечаний о философии Н. Н. Страхова. СПб., 1900. С. 6.

теистической. Все привычки нашего ума сложились в этом направлении, и я не вижу выхода, – тут моя беда»¹.

Отметим еще одну проблему, с которой сталкиваются исследователи – стиль мыслителя. Этот «уклончивый стиль» Страхова, его манеру «сначала как будто вполне сочувственно изложить критикуемую систему с тем, чтобы потом ее тем вернее разбить», отмечал С. Венгеров в статье в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Причем тонкий переход от сочувственного изложения к собственному противоположному подходу (при уклончивости в изложении своей точки зрения) оказывается часто почти незаметным, что может привести читающего к ошибочным выводам относительно взглядов русского мыслителя.

О сложности историко-философского анализа творчества русского мыслителя свидетельствует существующее среди специалистов в области истории русской философии мнение, что Страхова как философа вообще нельзя отнести к какому-либо направлению. Так, например, в словаре «Русская философия» утверждается, что «Страхова нельзя безоговорочно зачислить ни в какой философский или мировоззренческий лагерь»². Подобная точка зрения высказывается А. Н. Арининым и В. М. Михеевым в книге «Прошлое. Настоящее. Будущее. (Историко-философская мысль России XIX–XX вв.)». По их мнению, «нельзя категорически относить Страхова к какой-либо школе (например, славянофилов) или направлению общественно-политической мысли (почвенничество), хотя родственного с ними у философа достаточно. Однако, на наш взгляд, проблематика Страхова гораздо шире, глубже и разнообразнее»³. Думается, с такой оценкой можно согласиться. Но, как справедливо замечает Е. А. Антонов, «вопрос продолжает оставаться и сегодня на повестке дня, поскольку от его решения зависит соответствующая оценка философии Н. Н. Страхова»⁴.

По нашему мнению, несмотря на разнообразие проблематики, отрывочность в изложении идей, некоторую эволюцию взглядов и оценок, в его философии можно заметить *целостность*. Состоит она в предлагаемом Страховым *органическом понимании* всех явле-

¹ Л. Н. Толстой – Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1–2. С. 93.

² Русская философия: Словарь / Под ред. М. А. Маслина. М., 1999. С. 489.

³ Аринин А.Н., Михеев В.Н. Прошлое. Настоящее. Будущее. (Историко-философская мысль России XIX–XX вв.) М., 1995. С. 19.

⁴ Антонов Е.А. Н. Н. Страхов и русская философия XXI столетия // Творческое наследие Н. Н. Страхова и современная социально-гуманитарная мысль. Материалы всероссийской научной конференции. Белгород, 2003. С. 5.

ний, существующих в мире. В 1860 г. свое мировоззренческое, методологическое кредо Страхов высказал в небольшой статье «Органические категории». Таки образом, его философское творчество вполне вписывается в то сквозное направление в русской философии, на которое первым обратил внимание А. А. Галактионов, верно констатируя: «органическая теория в России имеет длинную историю, захватив весь XIX в. – от Д. Велланского до В. Вернадского в философии и науке, от Н. Надеждина до М. Ковалевского в истории, социологии, эстетике. Варианты этой теории многообразны, порой неожиданны»¹. Это органическое понимание, «идея организма» проводится мыслителем фактически во всех разделах философского знания, к которым он обращается.

О. Э. Душин

COINCIDENTIA OPPOSITORUM И РАЗРЕШЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ: НИКОЛАЙ КУЗАНСКИЙ, С. Л. ФРАНК, ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Coincidentia oppositorum – принцип, который стал ключевым не только в учении Николая из Кузы, но приобрел весомое значение во всей истории европейской мысли (вплоть до Гегеля и марксизма)². Как известно, в «Диалектике природы» Ф. Энгельс сформулировал закон единства и борьбы противоположностей и считал его одним из основных в марксистской теории диалектики.

¹ Галактионов А.А. «Организмизм» и социализм М. В. Буташевича-Петрашевского // Социальная революция: вопросы теории. Л., 1989. С. 110.

² О средневековых предшественниках и терминологических истоках концепции “*coincidentia oppositorum*” у Кузанца см.: Гайденко П.П. Николай Кузанский и принцип совпадения противоположностей // Вопросы философии. 2002. № 7. С. 131–142; *Coincidentia oppositorum*: от Николая Кузанского к Николаю Бердяеву / Отв. ред. О. Э. Душин. СПб., 2010; Принцип «совпадения противоположностей» в истории европейской мысли / Отв. ред.: О. Э. Душин, М. В. Семиколенных. СПб., 2011; Райнхардт К. Отрицательная теология и совпадение противоположностей у Николая Кузанского и в рейнской мистике (Генрих Сузо) // Наследие Николая Кузанского и традиции европейского философствования. СПб., 2007. С. 6–18; Хорьков М.Л. О некоторых истоках концепции *coincidentia oppositorum*: Майстер Экхарт или Геймерик ван де Вельде? // Наследие Николая Кузанского и традиции европейского философствования. СПб., 2007. С. 40–54.